

Российская политика в Центральной Азии

Бобо Ло

Январь 2015

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

**Центр Россия/ННГ
©Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2015
ISBN: 978-36567-345-7**

IFRI
27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles
RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES, BELGIQUE
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : bruxelles@ifri.org

WEBSITE : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Статьи отвечают стандартам качества ИФРИ в области редактирования и анонимной экспертной оценки.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org

Последние публикации

– Косенковский М., Шрейбер В., *Национальные меньшинства Молдовы и их отношение к европейской интеграции*, «*Russie.Nei.Visions*», №81, ноябрь 2014.

– Тинкиннен Н., *Россия и глобальная климатическая политика*, «*Russie.Nei.Visions*», №80, сентябрь 2014.

– Кирюшин П., *«Зелёная экономика»: возможности и ограничения для российского бизнеса*, «*Russie.Nei.Visions*», №79, август 2014.

Об авторе

Бобо Ло – независимый аналитик и ассоциированный исследователь Ифри. Руководил программами Китай и Россия в Центре европейских реформ, а также программой Россия и Евразия в Chatham House. Работал заместителем главы миссии в посольстве Австралии в Москве. Бобо Ло получил степень магистра в Оксфорде и докторскую степень в университете Мельбурна. Он – автор многих монографий и статей о внешней политике России и Китая.

Среди его публикаций:

– *Russia and the New World Disorder*, Brookings and Chatham House, готовится к публикации весной 2015.

– “Russia’s Eastern Direction—Distinguishing the Real from the Virtual”, “Russie.Nei.Reports”, №17, Ifri, январь 2014.

– *A 21st Century Myth – Authoritarian Modernization in Russia and China*, Carnegie Moscow Center Report, июнь 2012 (в соавторстве с Лилией Шевцовой), июль 2012.

– *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics*, Brookings and Chatham House, 2008.

Краткое содержание

Центральная Азия не была приоритетом российской внешней политики на протяжении большей части постсоветского периода. Однако это положение меняется в данный момент. Новая ситуация в регионе и за его пределами повышает интерес к нему со стороны Москвы. Центральная Азия становится важнейшим элементом для реализации преследуемой президентом Путиным цели придания России ведущей роли в геополитическом центре Евразии с тем, чтобы превратить её в «независимый» полюс глобального могущества наряду с США и Китаем. Не имея серьёзного намерения возродить СССР, Кремль всё же стремится обеспечить себе первостепенное право влияния на дела бывших советских республик.

Однако реализации этих амбиций мешают многочисленные препятствия. Государства Центральной Азии, особенно Казахстан и Узбекистан, перестали быть пассивными объектами великодержавной дипломатии и выступают в качестве всё более решительных участников международных процессов. США останутся ключевым игроком в регионе даже после вывода войск НАТО из Афганистана. В свою очередь, мощное экономическое влияние Китая трансформируется во всё более заметное стратегическое присутствие. Несмотря на шумиху вокруг создания Евразийского союза, позиции Москвы в регионе ослабевают. Существенно сокращается способность России диктовать свои условия, повышается конкуренция, растут угрозы безопасности. Москве предстоит предпринять серьёзные усилия, чтобы избежать резкого спада своего влияния в Центральной Азии.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	7
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ.....	7
ИМПЕРАТИВЫ БЕЗОПАСНОСТИ	8
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ	9
КАЗАХСТАНСКОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ	10
БОЛЬШИЕ АМБИЦИИ	11
ДОМИНИРУЮЩЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ.....	11
УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ	12
СОХРАНЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА В ЕВРАЗИИ	14
СТАРЫЕ И НОВЫЕ МЕТОДЫ.....	15
НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	18
СНИЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ.....	18
УХУДШЕНИЕ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ.....	19
АВТОРИТАРИЗМ И СУВЕРЕНИТЕТ	20
НЕЯСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	22
ПОСТОЯНСТВО	22
ИМПЕРСКИЙ РЕВАНШИЗМ.....	23
ПЕРЕКАЛИБРОВКА.....	24
ОТКРЫТЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.....	26

Введение

На протяжении большей части последних двух десятилетий, бывшая советская Центральная Азия играла второстепенную роль в российской внешней политике. В 1990-е годы Борис Ельцин её практически игнорировал, и даже при Владимире Путине этому региону уделялось гораздо меньшее внимание, чем славянским землям (Украина и Белоруссия) или Кавказу (Грузия, Азербайджан и Армения). Более того, интерес Москвы всегда определялся другими, более важными для неё целями, поскольку Центральная Азия воспринималась лишь как подсистема российского стратегического ландшафта и второстепенное поле для отношений Москвы с США.

Однако в настоящее время появляются признаки изменения ситуации. Развитие событий в регионе и за его пределами рискует перерасти в «идеальный шторм». Такие явления, как кризис в отношениях России и Запада, «разворот на Восток»¹ Москвы, вывод американских и натовских войск из Афганистана, китайская экономическая экспансия в Центральную Азию, неопределённость политической преемственности в Казахстане и Узбекистане, предоставляют как мотивы, так и возможности для более заинтересованного подхода России к Центральной Азии.

В статье рассматриваются пять основных вопросов. Первый из них касается места, которое занимает Центральная Азия в современной российской внешней политике. Насколько она значима для Кремля и почему? Здесь важно чётко разделить в восприятии Москвы значение единого центральноазиатского пространства и неравнозначные отношения Москвы с пятью бывшими советскими республиками.

Во вторую очередь, необходимо задать вопрос о том, чего Москва пытается добиться в Центральной Азии. Существует ли последовательная «стратегия игры» с чётко обозначенными целями или, во многом, речь идёт о реакции на события и импровизации по ходу пьесы? Российские политики имеют обыкновение говорить о «постоянных интересах», однако на практике всё оказывается сложнее. Способ достижения целей

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туде.

¹ Lo B. Russia's Eastern Direction—Distinguishing the Real from the Virtual// Russie.Nei.Reports. №17. Январь 2014 <www.ifri.org/?page=detail-contribution&id=7952&id_provenance=97>.

Россией отражает амальгаму принципов, инстинктов и реакций на требования момента (или так называемый «прагматизм»).

Третий вопрос касается того, каким образом действует Москва. В постсоветский период традиционные методы контроля оказались недостаточными и возникло имплицитное признание необходимости применения более разнообразных средств как на многостороннем, так и на двустороннем уровне. Однако важно понять, означает ли это менее «вотчинный» или «империалистический» образ мышления Кремля или указывает лишь на осознание им того факта, что в хаотичной региональной среде необходимы более «современные» методы убеждения.

Четвертый аспект: необходимо рассмотреть последствия российской политики. В последнее время много говорят о политическом и дипломатическом мастерстве Путина и о восстановлении российского влияния в постсоветской Евразии. Во многом Центральная Азия – менее развитая и более удалённая от западного влияния – может показаться особо восприимчивой к более могущественной России. Однако возникает вопрос о том, в какой степени Кремль способен реализовать свои цели в политической, экономической, нормативной сферах, а также в сфере безопасности в регионе.

Наконец, что готовит будущее? В этом контексте возникает два взаимосвязанных вопроса. Первый о том, способна ли Россия избавиться от своего империалистического наследия и переосмыслить себя как постимпериалистическую державу. Второй касается её положения в регионе. Останется ли Россия ведущим игроком, не будучи более гегемоном в классическом смысле, или же мы станем свидетелями неотвратимого сокращения её влияния²?

---

² См. *Olcott M. B. China's Unmatched Influence in Central Asia // Carnegie Endowment for International Peace. 18 сентября 2013*
<<http://carnegieendowment.org/2013/09/18/china-s-unmatched-influence-in-central-asia>>.

Значение Центральной Азии

На сегодняшний день нет никаких свидетельств того, что Центральная Азия представляет для России нечто большее, нежели второстепенную сцену её внешней политики. Геополитическое мировосприятие Кремля остаётся всецело сконцентрированным на США и, в несколько меньшей степени, на Китае. В экономическом плане Кремль обращён в первую очередь к Европе³. С исторической и цивилизационной точки зрения Россия проявляет больше интереса к происходящему в бывших советских республиках на своей западной границе, свидетельством чему стали недавние события на Украине.

В то же время, Центральная Азия перестала быть политическими задворками и развивающиеся там события и отношения представляют значимый интерес для России. Более того, как абсолютное, так и относительное значение этого региона для Москвы будет продолжать расти в ходе последующего десятилетия. Причины этой перемены кроются в политических целях России, в её восприятии нарастающих угроз безопасности, а также в идее политического сближения и «цивилизационного единства»⁴.

Стратегическое планирование

Важнейший из этих мотивов носит инструментальный характер: значение Центральной Азии главным образом связано с тем, что она является осью всего евразийского континента, фундаментом самовосприятия России в качестве глобальной сверхдержавы. Можно вспомнить здесь высказывание Хальфорда Маккиндера, сделанное им в начале XX века: «Кто управляет Центральной

---

³ В 2013 году на долю ЕС приходилось 48,5% торгового оборота России, что почти в пять раз превышало долю Китая, составлявшую в том же году 10,7%. См. European Commission, Directorate-General for Trade. European Union, Trade with Russia. 27 августа 2014, <http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113440.pdf>.

⁴ Речь С. Лаврова в Министерстве иностранных дел РФ, декабрь 2008, упоминается в *Trenin D. Russia's Spheres of Interest, not Influence // The Washington Quarterly*. 22 сентября 2009.

Азией, тот управляет Хартлендом»⁵. Несомненно, прошедшие сто лет принесли большие перемены, в том числе, возникновение центральноазиатских республик в качестве независимых государств. Тем не менее, их центральное географическое положение в Евразии продолжает влиять на восприятие Кремлём как региональной геополитики, так и международной системы в целом.

Подобные соображения тем более уместны в контексте тех трудностей, с которыми сталкиваются США в Ираке и Афганистане, а также в связи с мировым финансовым кризисом. В кремлёвской концепции многополярного порядка или «полицентричной системы международных отношений»⁶ существуют три «независимых» центра мирового могущества: США, Китай и Россия. Точно так же как США лидируют на Западе, а Китай занимает всё более доминирующую позицию на Востоке, Россия должна обладать собственным стратегическим «пространством» или сферой влияния. Другими словами, глобальная держава в постамериканском мире с необходимостью должна также быть «региональной сверхдержавой»⁷. А это значительно повышает ставки в отношениях с центральноазиатскими государствами.

Императивы безопасности

Рост интереса России к Центральной Азии объясняется и некоторыми более специфическими причинами, главная из которых – озабоченность риском серьёзной нестабильности в том, что традиционно называлось довольно метким термином «мягкое подбрюшье» России⁸. Такие факторы, как сокращение американского военного присутствия и вывод боевых частей НАТО из Афганистана, несокрушимость талибов, распространение исламского экстремизма и разрушительные

⁵ В своей книге «Демократические идеи и реальность» Маккиндер утверждает: «Кто управляет Восточной Европой, управляет и главной, сердцевинной территорией – Хартлендом. Кто управляет Хартлендом, тот управляет Мировым островом. Кто управляет Мировым островом, тот управляет всем миром». *Mackinder H. Democratic Ideals and Realities. National Defense University. Washington DC. 1996* (впервые опубликовано в 1919).

⁶ Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. 12 февраля 2013г. <www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/1e5f0de28fe77fdcc32575d900298676/869c9d2b87ad8014c32575d9002b1c38!OpenDocument>.

⁷ Впервые этот термин был использован в *Aron L. The Foreign Policy Doctrine of Postcommunist Russia and its Domestic Context // Mandelbaum M. (ред.) The New Russian Foreign Policy. Council on Foreign Relations. 1998. С. 33.*

⁸ Джеффри Манкофф использует более современный термин «дуга нестабильности». См. *Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. Rowman and Littlefield : Lanham. 2012* (второе издание). С. 6.

человеческие последствия наркоторговли, суммируются в убедительное и многоплановое обоснование повышенного интереса к сфере безопасности.

Эти опасения усугубляются очевидной уязвимостью некоторых центральноазиатских республик – особенно Таджикистана и Киргизстана – и неуверенностью в долгосрочной политической стабильности в Казахстане и Узбекистане. Москва не слишком доверяет способности государств Центральной Азии справиться с нарастающими угрозами в регионе без существенного участия России. За исключением Казахстана, эти страны воспринимаются скорее как часть проблемы, чем как реальные партнёры в укреплении безопасности.

Политическое сближение

Президент Путин и другие представители руководящей российской элиты давно стремятся к консолидации политического единomyслия на постсоветском пространстве. Если в прошлом Москва отделяла российскую «суверенную демократию» от «восточного деспотизма» центральноазиатских режимов, в последнее время подобные нюансы перестали быть актуальными. Вследствие антипутинских народных протестов 2011-2012 годов, Кремль с новой силой делает акцент на нормативной солидарности – не только против пагубного влияния западных либеральных идей, но и против внешнего влияния в целом.

Внутри этой схемы возрастает значение Центральной Азии как передового рубежа защиты авторитарных (называемых «традиционными») ценностей на постсоветском пространстве. Речь идёт не столько о «цветных» революциях в Центральной Азии, которые могли бы угрожать путинской системе, сколько о стремлении Кремля укрепить альтернативную идейную и политическую легитимность, бросившую бы вызов западным понятиям глобального управления и морального универсализма. На международном уровне этим намерениям отвечают рамки формата БРИКС. Однако на региональном уровне такого механизма пока не существует. Путинский проект Евразийского союза призван заполнить этот пробел, но его жизнеспособность зависит от достижения большего политического и нормативного сближения на двустороннем уровне, начиная с наиболее «консервативных» бывших советских республик, иными словами, в Центральной Азии. Путин рассматривает их как неотъемлемую часть более крупного цивилизационного и нормативного образования, простирающегося от Калининграда до Тихого океана.

Казахстанское исключение

С одной стороны, Путин продолжает воспринимать Центральную Азию как коллективную конструкцию с некоторыми общими характеристиками. В то же время, на практике российская политика обнаруживает растущую тенденцию к разделению элементов и представляется мозаикой индивидуальных двусторонних отношений разной степени значимости. Так, Таджикистан и Киргизстан являются приоритетами низшего порядка, их значение тесно связано с повесткой дня, почти полностью сводящейся к безопасности: защита от исламского экстремизма, укрепление безопасности режима, противостояние иностранным влияниям разного рода (западному, китайскому, исламистскому). Туркменистан имеет геоэкономическое значение как энергетический стержень газового экспорта на запад и, главное, на восток. Узбекистан выступает ключевым компонентом общей картины региональной безопасности.

Но важнейшим из центральноазиатских государств для Москвы является Казахстан, причём не только в силу первостепенно важных двусторонних отношений, но и в качестве краеугольного камня путинской масштабной концепции Центральной Азии и всего евразийского континента. В отличие от других центральноазиатских республик, Казахстан воспринимается как серьёзный (хотя и неравноправный) партнёр, в то время как из всех зарубежных лидеров Путин поддерживает наиболее тесные личные отношения именно с президентом Нурсултаном Назарбаевым. Поскольку внимание международного сообщества приковано к Украине, легко упустить из виду жизненно важное значение Казахстана для России в вопросах стратегического планирования, восприятия угроз и политического и нормативного сближения⁹.

---

⁹ *Tuleshov V. Kazakhstan Will Play Key Role in Russia's Foreign Policy. Valdai Club. 13 июня 2012ъ <http://valdaiclub.com/near_abroad/44361.html>.*

Большие амбиции

Доминирующее стратегическое влияние

Задачи российской политики в Центральной Азии в первую очередь связаны с факторами значимости региона. Они также отражают те вызовы и требования, с которыми сталкивается Москва в реализации своей повестки. Практически это означает, что у Москвы нет серьёзного намерения возродить Советский Союз. Несмотря на публичное выражение сожаления о распаде СССР, В. Путин достаточно прагматичен, чтобы осознавать нереализуемость проекта его восстановления. Политическая дисфункция и экономическая отсталость бывших советских республик, нарастающая напряжённость внутри самой России и общее осуждение имперских проектов лишает подобное предприятие привлекательности.

Вместо этого, Москва стремится к лидирующему влиянию, по типу отношений китайской империи с зависимыми государствами на своей периферии. Россия добивается гарантии того, чтобы принятие политических решений центральноазиатскими государствами осуществлялось в рамках определённых параметров и в соответствии с некоторыми «правилами», главное из которых заключается в первостепенном соблюдении интересов России, особенно в сфере внешней политики и политики безопасности. Это прежде всего означает, что центральноазиатские республики не могут равняться на иностранные державы или союзы – в первую очередь США и НАТО, но также Европейский союз, Китай, Иран и Турцию. В идеале, Москва желает их присоединения к различным руководимым Россией проектам, таким как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Однако конкретные формы имеют меньшее значение, чем принципиальное согласие с идеей о том, что эти страны принимают либо сторону России, либо ничью. Такой подход напоминает концепцию Леонида Брежнева об «ограниченном суверенитете» во времена холодной войны, когда государства-члены Варшавского договора формально считались независимыми и даже пользовались некоторой автономией, однако были полностью подчинены СССР в стратегическом плане.

Соответственно, Москва стремится воспрепятствовать участию внешних сил в региональных делах или, как минимум, контролировать его. Понимая невозможность полного исключения подобных взаимодействий, Кремль полагает, что обладает возможностью и *правом* влиять на них. На практике это выражается в двух формах: во-первых, стимулирование иностранных партнёров скорее к сотрудничеству в экономике, чем в сфере безопасности, и, во-вторых, предпочтение Китая и других незападных стран европейским и американским. Российское благоволение к Китаю объясняется тем, что китайцы избегают проявления стратегических амбиций, ограничивают свое участие в проектах безопасности в Центральной Азии и поддерживают роль России в качестве регионального лидера. Такой «скромный» подход Пекина приносит обильные дивиденды, поскольку Россия не оказывает особого сопротивления крупнейшим энергетическим проектам Китая, таким как центральноазиатский газопровод (Туркмения-Китай). Для Кремля предпочтительнее, чтобы туркменский газ шёл на восток, в Китай, чем составил бы конкуренцию Газпрому на его основных европейских рынках через газопроводы Транскаспийский и до этого Набукко, идущие в обход России.

Управление региональной безопасностью

Приоритетная задача Москвы в сфере безопасности, как для региона в целом, так и в её отношениях с отдельными республиками, заключается в ограждении России от наиболее губительных последствий нестабильности в регионе. Конкретно это означает сдерживание проникновения исламского экстремизма в Российскую Федерацию, пресечение потока наркотиков в страну и поддержка авторитарных режимов Центральной Азии.

Однако управление региональной безопасностью оказалось крайне проблематичной задачей для российской политики. В последние пятнадцать лет усилия Путина были направлены на совмещение императивов безопасности и геополитических целей. После событий 11 сентября 2001 года президент считал, что поддержка проводимой под руководством США операции в Афганистане отвечает интересам России. При этом он проигнорировал возникшие в его окружении возражения, в том числе со стороны министра обороны Сергея Иванова, против создания баз США в Узбекистане и Киргизстане. Однако маятник вскоре качнулся в обратную сторону. К 2004-2005 годам геополитические минусы долгосрочного американского присутствия по всей видимости перевесили возможные дивиденды в сфере безопасности. Поэтому Кремль стал главным инициатором принятого на Саммите ШОС 2005 года в Астане

коммунике, призывающего к закрытию баз США в Центральной Азии.

Этот разворот показал, что баланс между безопасностью и геополитикой обусловлен не только региональными обстоятельствами, но и состоянием отношений между Россией и США в более широком международном контексте. С одной стороны, присутствие американских военных сил в Афганистане – и Центральной Азии – воспринимается как критически важное для сдерживания исламского экстремизма. С другой стороны, интервенция США изменила геополитическую карту Евразии. Она подорвала некогда доминирующую позицию России и облегчила (пусть и невольно) быструю экспансию китайской экономики и растущее самоутверждение центральноазиатских республик.

Возникшая напряжённость сформировала негативистскую и противоречивую позицию России. Так, министр иностранных дел Сергей Лавров выступил с критикой «искусственных сроков» (преждевременного) вывода сил НАТО¹⁰. При этом Москва обвинила США и НАТО в «злоупотреблении гостеприимством» в Центральной Азии и вынудила Киргизстан расторгнуть договор об аренде американцами базы / транзитного центра в Манасе¹¹. Кроме того, она обвинила Вашингтон в резком росте производства афганского опиума и героина и увеличении потока наркотиков в Россию¹², но заблокировала предложения США по развитию сети центров по борьбе с наркотиками в центральноазиатских республиках¹³. Несмотря на громкие заявления против угрозы «тройного зла» (терроризма, сепаратизма и экстремизма), проникновение западных либеральных идей вызывает у Москвы большее беспокойство, о чём свидетельствуют недавние попытки стимулировать «международную информационную безопасность»¹⁴.

¹⁰ Sergei Lavrov Criticizes NATO Policy Towards Afghanistan // Afghanistan.ru. 21 апреля 2012 <<http://en.afghanistan.ru/doc/353.html>>.

¹¹ База была закрыта в июне 2014 года.

¹² Putin Criticizes ISAF for Afghan Drug Threat Inaction // RIA-Novosti. 8 мая 2013 г. <<http://en.ria.ru/russia/20130508/181039938-print/Putin-Criticizes-ISAF-for-Afghan-Drug-Threat-Inaction.html>>.

¹³ Solash R. Russia Said to Block U.S. Drug Plan Amid Wariness over Central Asian Influence // Radio Free Europe/RadioLiberty. 17 февраля 2013 г., <www.rferl.org/content/russia_reportedly_blocks_us_plan_central_asia_opium_drugs_narcotics_afghanistan/24488075.html>.

¹⁴ См. Декларация саммита глав государств-членов ШОС. Душанбе. 12 сентября 2014 <www.tajikembassy.in/downloads/Dushanbe%20Declaration-2014.pdf>. Речь идёт о проекте ШОС «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности».

Сохранение авторитаризма в Евразии

Российская военная интервенция на Украине откровенно продемонстрировала нетерпимость Путина к стихийным проявлениям демократии и показала как далеко он готов зайти для сохранения существующего соотношения сил. В Центральной Азии вероятность народной революции по образцу Украины и Грузии очень мала (киргизская «революция тюльпанов» 2010 года по сути оказалась не более чем дворцовым переворотом). При этом катастрофические последствия «арабской весны» укрепили уверенность существующих режимов и снизили заинтересованность Запада в демократических изменениях. Тем не менее, Кремль сохраняет приверженность межгосударственным связям с правящими режимами Центральной Азии, что на деле означает намерение сохранить общность личных и корыстных интересов. Кремль нацелен не столько на то, чтобы ответить на «явную существующую угрозу», сколько на создание условий для того, чтобы мнимая угроза демократических изменений режима была навсегда устранена.

Кремль преследует также и иную цель. С его точки зрения, фактический авторитарный договор служит дополнением его геополитической стратегии. По сути, так же, как либеральный консенсус служит базой для проекции мощного международного влияния НАТО и ЕС, политическое и нормативное сближение между Россией и центральноазиатскими республиками, в ожиданиях Путина, приведёт к более согласованному подходу, в частности, по отношению к Западу, а подчёркивание общих ценностей и истории, позволит усилить чувство солидарности¹⁵.

В этом предприятии важную, хоть и второстепенную, роль играет «цивилизационное единство». Намерение Москвы носит не столько проповеднический, сколько инструментальный характер. Если распространение российской культуры и желательно само по себе, эта задача представляется вторичной по отношению к более общей цели консолидации на всей территории постсоветской Евразии управляемого Москвой консенсуса, в котором различные измерения – стратегическое, политическое, экономическое и цивилизационное – взаимно укрепляются.

---

¹⁵ В своей первоначальной презентации Евразийского союза, Путин писал, что «тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе – это веление времени. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира...» // Известия. 3 октября 2011. <www.russianmission.eu/ru/novosti/statya-predsedatelya-pravitelstva-rossii-vvputina-novyi-integratsionnyi-proekt-dlya-evrazii-#sthash.fseSoKEP.dpuf>.

Старые и новые методы

Москва признаёт, что вызовы изменчивой региональной (и международной) среды требуют от России многостороннего подхода для реализации своих интересов. Это означает применение различных форм «мягкой» силы наряду с более традиционными средствами политико-военного влияния, обращение к многосторонним механизмам для дополнения двусторонних отношений и стремление к геополитическому равновесию как на региональном, так и на глобальном уровне.

Основной используемый Кремлём инструмент – это стимулирование *межэлитных связей*, особенно между президентом Путиным и главами центральноазиатских государств, которые характеризуются слабыми институтами и высоко персонализированным способом принятия решений. Поэтому личные транснациональные – или «трансимпериальные»¹⁶ – связи служат главным передаточным механизмом Москвы. К примеру, без активной поддержки Назарбаева не был бы создан Евразийский экономический союз (как и его предшественник Таможенный союз). Точно так же, поддержка Путиным киргизского президента Алмазбека Атамбаева и зависимость последнего от кремлёвского благоволения, являются единственным и важнейшим фактором возрождающегося влияния Москвы в этой стране. И наоборот, имеющиеся в распоряжении России рычаги воздействия оказываются слабее в Узбекистане и Туркменистане, где не сложились подобные личные отношения. Но даже в этих странах Москва сохраняет реальную способность воздействия в силу тесных связей между соответствующими влиятельными кругами в военной сфере и сфере безопасности.

Ключевое значение имеет и использование *экономических инструментов*. Хотя украинский кризис показал, что Кремль продолжает доверять прежде всего военной силе, обычно он исходит из принципа, что кооптация эффективнее принуждения, и прибегает к нескольким взаимосвязанным стратегиям: поддержание сохранившейся с советских времён (и ранее) взаимозависимости в ответ на продвигаемые Западом глобализацию и внешнюю конкуренцию; предоставление

---

¹⁶ Wallander C. Russian Transimperialism and its Implications // The Washington Quarterly. Т. 3. № 2. Весна 2007.

значительной технической помощи¹⁷; трудоустройство миллионов трудовых мигрантов, чьи денежные переводы имеют важнейшее значение для выживания некоторых региональных экономик (в частности, Киргизстана и Таджикистана)¹⁸; укрепление связей между интересами бизнес-элит.

Москва продолжает возлагать большие надежды на *военную дипломатию*. Это наиболее явно проявляется в присутствии значительного российского военного контингента в Таджикистане и существовании крупных российских военных баз, таких как Кант в Киргизии и Айни в Таджикистане. Цели этого присутствия кардинально отличаются от тех, что побудили Россию к использованию войск и баз на Украине, в Грузии и в Молдове для оказания давления, соответственно, на Киев, Тбилиси и Кишинёв. В Центральной Азии присутствие российских войск направлено не на подрыв, а, наоборот, на поддержку существующих режимов и демонстрацию необходимости России в этом процессе. Программы военной помощи выполняют аналогичную функцию, а также служат укреплению межведомственных связей¹⁹.

Твёрдая вера Кремля в многополярность великих держав не мешает ему эксплуатировать *региональные многосторонние механизмы*, которые он использует для содействия продвижению *национальных* интересов России и их легитимизации. Можно сказать, что ОДКБ и ЕАЭС выполняют роль, аналогичную роли Организации Варшавского договора и СЭВ во времена холодной войны. Польза этих организаций сегодня заключается не в их незначительном вкладе в национальную безопасность и экономическое процветание России. Мало того, Москву не особенно привлекает идея региональной интеграции как таковая. Важно то, что эти организации поддерживают ключевые стратегические цели контролируемой Москвой постсоветской Евразии, а также Россию в качестве независимого «полюса» международной политической системы.

Инструментальный подход Москвы может быть проиллюстрирован её отношением к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Тот факт, что эта организация является

¹⁷ Одним из ярких примеров служит финансирование и строительство вызвавшей противоречивые оценки плотины на киргизской реке Нарын: Russian Control of Central Asian Dams 'Risks Full Conflict With Uzbekistan' // acquaNOW.info. 27 сентября 2012 <www.ooskanews.com/daily-water-briefing/russian-control-central-asian-dams-risks-full-conflict-uzbekistan_24527>.

¹⁸ 700 тыс. киргизских трудовых мигрантов в России посылают домой около 2 млрд. долл. в год. Приводится по *Malashenko A. Kyrgyzstan: a White Ship Amidst the Ice of Post-Soviet Authoritarianism* // Carnegie Moscow Center briefing. Т. 14. № 2. Март 2012. С. 7-8. Денежные переводы из России составляют до 45% ВВП Таджикистана : *Malashenko A. Tajikistan: Civil War's Long Echo* // Carnegie Moscow Center briefing. Т. 14. № 3. Апрель 2012. С. 9.

¹⁹ Russia to Give Tajikistan and Kyrgyzstan Free Military Equipment // East Time. 12 апреля 2014 (<http://easttime.info/news/kyrgyzstan/russia-give-tajikistan-and-kyrgyzstan-free-military-equipment>)

наиболее крупной и объемлющей в Центральной Евразии имеет негативный аспект для Москвы. И если Кремль видит определённую пользу ШОС для оспаривания легитимности западных институтов и политики, он не заинтересован в том, чтобы эта организация стала эффективным двигателем региональной интеграции, поскольку эта интеграция проходила бы на условиях, определяемых другими игроками. Лидирующее влияние Китая в ШОС идёт вразрез с российским видением Евразии. Как следствие, Москва блокирует усилия Китая по созданию свободной торговой зоны ШОС²⁰.

Культурная дипломатия остаётся важным средством продвижения российских интересов, не в последнюю очередь в качестве асимметричного ответа на рост экономического влияния Китая. Подчёркивание «цивилизационного единства» и общих ценностей отвечает более глобальной цели руководимой Россией Евразии. Через коммуникацию массовой культуры (телешоу) и новостных передач широкой региональной аудитории, Кремль рассчитывает, в сущности, на создание «Московского консенсуса» похожего по своему воздействию на знаменитый (хотя и фиктивный) «Пекинский консенсус». Главная идея Кремля заключается в том, что российская культура и ценности намного лучше подходят Центральной Азии, чем разрушительные представления Запада (или чуждые ценности китайского нео-конфуцианства).

---

²⁰ H. Zhao, China-Russia Relations in Central Asia // The ASAN Forum. 22 ноября 2013 <www.theasanforum.org/china-russia-relations-in-central-asia/>.

Неожиданные последствия

Несмотря на усилия Путина, – по сравнению с его предшественниками в Кремле, – по реализации целей России в Центральной Азии, его вложения времени, энергии и ресурсов пока не окупаются. Если попытаться оценить успехи России в достижении вышеобозначенных целей, – геополитический контроль, управление региональной безопасностью и авторитарная солидарность – обнаружится гораздо больше провалов и отступлений, чем побед. Более того, имеющиеся успехи выглядят хрупкими, в то время как негативные тренды набирают силы.

Снижение стратегического влияния

За последние 10-15 лет Центральная Азия стала геополитически более разнообразным и «беспорядочным» регионом. Россия потеряла своё доминирующее положение, в то время как бывшие советские республики перестали быть пассивными объектами великодержавной дипломатии, и превратились во всё более уверенных политических субъектов, ревностно относящихся к собственному суверенитету. Даже наиболее слабые из республик, Таджикистан и Киргизстан, располагают немислимой в 1990-е годы стратегической гибкостью. Туркменистан выбрал ориентацию на Китай, Узбекистан всё чаще ищет расположения США и оппонирует Москве, а Казахстану с большим умением удаётся поддерживать свою трёхвекторную внешнюю политику (Россия, Китай и Запад).

Путин сумел отстоять институционный импульс своего проекта Евразийского союза и укрепить российское военное присутствие в Таджикистане и Киргизстане. Однако геополитические тенденции в Центральной Азии и Евразии в целом неблагоприятны для Москвы. США остаются мощным игроком в регионе, особенно после заключения договора по безопасности с Афганистаном²¹. Китай является доминирующим

---

²¹ *Stancati M., Hodge N.* Afghanistan Signs Security Treaty with US, NATO // The Wall Street Journal. 30 сентября 2014 <<http://online.wsj.com/articles/u-s-afghan-bilateral-security-agreement-signed-1412076436>>.

экономическим игроком в Центральной Азии, особенно (но не только) в энергетическом секторе. Возрастает активность и других региональных сил – Турции, Ирана, Индии, Пакистана и Японии. Казахстан и Узбекистан дистанцируются от проводимой Россией интеграции и выстраивают отношения с другими внешними силами. Оба государства заключили крупнейшие экономические соглашения с Пекином²², Узбекистан неоднократно обвинял Москву в имперских планах²³ и позволил открыть бюро по связи НАТО в Ташкенте, а Казахстан выступил с открытой критикой «политизации» Евразийского союза и предостерег от попыток посягательства на его суверенитет²⁴.

Идея о том, что Россия может выкроить целевое стратегическое «пространство», чтобы вновь заявить о себе в качестве ведущей державы в Евразии, выглядит весьма далёкой от реальности, так же как и её претензии на роль «независимого» центра глобальной силы со статусом, равным США и Китаю. В реальности, сегодняшняя геополитическая позиция Москвы в Евразии бесспорно слабее, чем в любой другой период со времени распада Советского Союза. Её способность реализовать свои стратегические цели сокращается, а препятствия на пути их реализации становятся всё более труднопреодолимыми.

Ухудшение ситуации в сфере безопасности

Приоритетное внимание Москвы к геополитическим целям в ущерб целям безопасности приводит к деградации последней. Чёткая стратегия здесь отсутствует, а ряд мероприятий *ad hoc* мало способствовали созданию более благоприятной региональной обстановки. В более широком плане, эти результаты указывают на ограниченность влияния России в Центральной Азии. Москва не располагает очевидной способностью стать провайдером безопасности в регионе, будь

²² Визит президента Китая Си Цзиньпина в четыре центральноазиатские государства (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Киргизстан) в сентябре 2013 года был ознаменован подписанием соглашений на сумму 30 млрд. долларов с Астаной и 15 млрд. долларов с Ташкентом. См. *Balmforth T.* Kremlin Calm as China's Clout Rises in Russia's Backyard // Radio Free Europe/Radio Liberty. 12 сентября 2013. <www.rferl.org/content/russia-calm-china-central-asia-influence/25104383.html>.

²³ См. *Laumulin M.* Virtual Security of Central Asia // Russia in Global Affairs. 7 октября 2012 <<http://eng.globalaffairs.ru/number/Virtual-Security-of-Central-Asia-15694>>.

²⁴ *Tuleshov V.* Kazakhstan Will Play Key Role (...) Op.cit. [9] *Akimbekov S.* Needless Rush: Another Look at Eurasian Integration // Russia in Global Affairs. 21 марта 2014 <<http://eng.globalaffairs.ru/number/Needless-Rush-16499>>.

то в двустороннем формате или через такие организации, как ОДКБ.

Похожая ситуация наблюдается и с попытками сдерживания угрозы исламского экстремизма. Если этот экстремизм до сих пор не распространился на Среднее Поволжье (Татарстан), то это не благодаря каким-либо предпринимаемым Москвой мерам. Как показали действия Исламского государства (ИГ), деятельность исламистских экстремистов концентрируется сегодня главным образом на Ближнем Востоке. Случайным последствием этого фактора является тот факт, что Россия оказалась низкоприоритетной целью для финансирования террористической деятельности и вербовки. С другой стороны, неоднозначная позиция России по борьбе с наркотрафиком стала одной из причин серьёзного ухудшения этой проблемы. В последние несколько лет Россия была «повышена в статусе» и из транзитной территории превратилась в основной пункт поставки афганского героина²⁵. Сегодня, по умеренным оценкам, количество потребителей наркотиков в России составляет 1,7 млн. человек, а также наблюдается резкий рост заболеваний, связанных с употреблением наркотиков, таких как СПИД/ВИЧ²⁶.

Авторитаризм и суверенитет

В некотором смысле, Москва преуспела в продвижении авторитарного единомыслия. На общем фоне тенденции к отступлению демократии в регионе, была устранена любая вероятность «цветной» революции или «майдана» в центральноазиатских республиках. Однако подобный «успех» привёл к ещё большему усердию и целеустремлённости авторитарных лидеров Центральной Азии в сохранении национального – и их личного – суверенитета²⁷ и росту их недоверия к московской интеграционной повестке²⁸. В этой

²⁵ По сведениям Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в 2013 году власти конфисковали 2,6 тонн героина, что на 20% больше, чем в предыдущем году. More than 60 kg of heroin worth \$500 seized in Siberia // Tass. 23 октября 2014 <<http://en.itar-tass.com/russia/755981>>.

²⁶ *Nechepurenko I.* Russia Fights Addiction to Afghan Heroin // The Moscow Times. 27 мая 2013 <www.themoscowtimes.com/news/article/russia-fights-addiction-to-afghan-heroin/480593.html>.

²⁷ И. Торбаков справедливо отмечает, что «авторитарная власть неделима: она не может передаваться или делегироваться какому-либо наднациональному образованию». См. What Does Russia Want? Investigating the Interrelationship Between Moscow's Domestic and Foreign Policy // DGAP Analyse. № 1. Май 2011. С. 11.

²⁸ *Wood A.* A Russian Requiem. Chatham House expert comment. 8 апреля 2014 г. <www.chathamhouse.org/media/comment/view/198918>.

связи, события на Украине привели к двум негативным для Путина последствиям. Они замедлили практический (в противоположность институциональному) импульс Евразийского союза и ускорили переориентацию Казахстана, Узбекистана и Туркменистана на внешние силы. Показательна явная сдержанность автора оригинальной экономической концепции Евразийского союза Назарбаева, несмотря на его публичную поддержку позиции Москвы по Украине²⁹.

Словом, нормативное единомыслие оказалось полезным для снижения озабоченности России возможностью демократического переворота. Однако оно не сделало центральноазиатские государства более уступчивыми, за частичным исключением Киргизстана и Таджикистана. Так же как США обнаружили, что экспорт американской массовой культуры и потребительства в развивающиеся страны необязательно располагает эти последние к либеральной демократии, Россия открыла для себя, что любовь к российскому телевидению вовсе не означает желания жителей Центральной Азии быть включёнными в российское стратегическое пространство.

---

²⁹ Астана отказалась от идеи Евразийского парламента и заявила, что Казахстан не будет делегировать торговую политику Евразийскому союзу: Kazakhstan Ministry of Foreign Affairs // Astana Calling. № 336. 10 января 2014. С. 4.
<http://kazembassy.no/uploads/file/Astana%20Calling%20No_336%282%29.pdf>.

Неясные перспективы

Наличие множества переменных – превратности российской внутренней политики, результаты перехода власти в Казахстане и Узбекистане, ситуация по безопасности в Афганистане, отношения России с Западом и особенно с США, а также эволюция китайско-российского сотрудничества – делает особенно трудными попытки предсказать будущее влияния России в Центральной Азии и взаимодействия с ней. Все эти факторы, взятые по отдельности, либо в различных комбинациях, потенциально способны изменить ход игры. Поэтому имеет больший смысл представить три возможные сценария развития ситуации: постоянство, имперский реваншизм и перекалибровка.

Постоянство

Сценарий постоянства – это «ленивая» аналитическая опция, вызывающая критику в нехватке воображения³⁰. Тем не менее, существует несколько оснований рассматривать этот вариант как вполне правдоподобный, по меньшей мере в ближайшее десятилетие. Наиболее убедительный аргумент – это недостаточная способность Путина как реализовать активную неоимпериалистическую повестку, так и выбрать более просвещённый постимпериалистический подход. Вместо этого, он будет стремиться «проводить свою линию», сотрудничая с центральноазиатскими элитами, сопротивляясь нормативному влиянию Запада и продолжая комбинировать политическое сотрудничество, стратегическое сдерживание и экономическую конкуренцию по отношению к Китаю. В этом ему будут способствовать снижение интереса Запада к Афганистану и Центральной Азии, неприятие рисков региональными элитами, в том числе нежелание бросить открытый вызов Москве, и

---

³⁰ Этот подход можно назвать «презентизмом» или бесконечной экстраполяцией настоящего в терминологии Райана Менона: *Menon R. The China-Russia Relationship: What it Involves, Where It Is Headed, and How It Matters for the United States // Century Foundation Report. С. 3.*
<<http://72.32.39.237:8080/Plone/publications/pdfs/pb690/Menon.pdf>>.

стратегическая сдержанность Пекина, который сохранит приоритетными свои экономические интересы.

Подобный сценарий предполагает отсутствие стратегических потрясений в регионе, например, революции по типу Майдана, а также сдерживание наиболее жёстких проявлений исламского экстремизма, достаточно стабильные (даже если и неудовлетворительные) отношения между Россией и Западом, политически стабильный и экономически процветающий Китай и относительно гладкую смену правителей в Астане и Ташкенте, по примеру перехода власти от Сапармурада Ниязова к Гурбангулы Бердымухамедову в Туркменистане в 2006 году.

Имперский реваншизм

Недостаток сценария постоянства заключается в его зависимости от продолжительного – и удачного – стечения обстоятельств и от надежды на то, что изменения, если таковые произойдут, будут постепенными и относительно гладкими. Эта точка зрения неисторична и недооценивает тот факт, что наше бурное время изобилует рисками стратегических потрясений, нарушающих расчёты российских, центральноазиатских и всех прочих политиков. Поэтому имеет смысл рассмотреть и более радикальные сценарии, в том числе возможность возрождения российского империализма.

Запуском его может стать политическая трансформация в одном или нескольких центральноазиатских государствах. Высказывание Путина в августе 2014 года о том, что Казахстан является искусственным государством, созданным и поддерживаемым президентом Назарбаевым, оставляет открытой возможность вмешательства России при некоторых обстоятельствах³¹. Так, если постназарбаевский переход приведёт к власти прозападный режим, Москва может отреагировать по схеме, сходной с интервенцией в Крыму и на востоке Украины. Несомненно, это сходство не абсолютно, учитывая фундаментальное значение Украины в российском историческом и цивилизационном восприятии. Но есть также и немаловажные совпадения, в первую очередь, наличие вблизи российской территории большого этнически русского меньшинства, составляющего 23,7% от общего населения

---

³¹ President Vladimir Putin of Russia on Kazakhstan and Its Future // Tengri News. 30 августа 2014 г. <http://en.tengrinews.kz/politics_sub/President-Vladimir-Putin-of-Russia-on-Kazakhstan-and-its-future-255793/>.

Казахстана, в то время как на Украине этнические русские представляют лишь 17%³².

Другим фактором, способным изменить игру, может стать трансформация китайского экономического влияния в значимое стратегическое присутствие. Хотя Пекин последовательно отрицает любое намерение потеснить Россию, его неимоверно быстрая экспансия в Центральную Азию создаёт собственную логику. Наивно (или лицемерно) предполагать возможность чёткого разделения между экономическими интересами и их геополитическими последствиями. Особенно если китайцы реализуют свою идею об экономическом поясе Великого шёлкового пути, им не составит большого труда сместить Россию с позиции ведущего политического, стратегического, а также экономического игрока в Центральной Азии. Важно отметить, что, в отличие от США, Китай пользуется преимуществами физической близости и долгой истории взаимодействия с этим регионом.

Москва вряд ли подчинится подобному развитию событий. Если даже она и будет делать вид, что стремится избежать конфронтации, можно с уверенностью предположить, что Россия будет противодействовать влиянию Китая различными способами: осуществляя прямое давление на центральноазиатские элиты, используя различные экономические рычаги, такие как контроль над идущими на Запад нефте- и газопроводами, а также наличие миллионов трудовых мигрантов в России, и даже усиливая своё военное присутствие в Центральной Азии, с разрешения местных властей или без него. Результатом подобной эскалации может стать рост напряжённости в региональной среде, характеризующейся неопределённостью в китайско-российских отношениях, постоянными трениями между Россией и США, нерешёнными проблемами в республиках Центральной Азии (межгосударственные споры, трудности внутреннего управления, исламский экстремизм), а также хронической нестабильностью в соседних странах (Афганистан и Пакистан).

Перекалибровка

В ситуации доминирования в российской внутренней политике авторитарного консерватизма и кризиса в отношениях с Западом, кажется маловероятной возможность того, что Россия выберет постимперский подход к Центральной Азии. Тем не менее, этот сценарий не стоит полностью сбрасывать со счетов.

---

³² См. CIA World Factbook <www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2075.html#rs>.

Одной из причин тому служит тот факт, что более жёсткие методы проекции влияния вряд ли будут успешными в силу рассмотренных выше ограничений, в частности, растущего чувства независимости в центральноазиатских республиках, а также активности и влияния ключевых игроков, таких как Китай.

В этих условиях, Кремль будет вынужден искать более творческие пути достижения своих целей. Одним из них может стать ЕврАзЭС, но при условии, что он будет меньше ориентирован на Москву и построен на более равноправной основе. В более общем плане, другой возможностью может стать превращение России в модель эффективного управления и модернизации. Нормативная привлекательность для Центральной Азии может в таком случае оказаться меньшей, чем политическая. Действительно, демократизация в России может вызвать страх у местных элит, при этом более либеральный режим в Москве будет менее склонен посягать на их интересы и придерживаться патримониального подхода к двусторонним отношениям. В то же время, Россия продолжала бы пожинать плоды своих давно сложившихся преимуществ: тесные политические связи, экономическая взаимодополняемость, культурная и цивилизационная близость и выгодное отличие от морализирующего Запада и пугающе мощного Китая.

Открытые возможности

Взаимодействие России с Центральной Азией сформировалось под воздействием многих факторов, которые, вероятно, останутся значимыми в ближайшие десятилетия. Изменчивость существующей среды означает возможность различных исходов, не сводящихся к трём схематически описанным выше сценариям, но представляющим гибриды, сочетающие в себе элементы каждого из них. Пожалуй единственное, в чём можно быть относительно уверенным, это то, что России, если она хочет сохранить своё положение в Центральной Азии, предстоит трудный и длительный процесс стратегической адаптации. В первую очередь это коснётся необходимости обращаться с центральноазиатскими странами как с суверенными партнёрами, а не как с бывшими подданными империи, обязанными подчиняться приказам. Это будет способствовать большей гибкости и реактивности в методах регионального сотрудничества. И это будет также означать, что взаимодействие с Центральной Азией ценно само по себе, а не в качестве подмостков для выражения великодержавных претензий России.

Столь масштабное изменение поведения сегодня кажется весьма отдалённой перспективой. Факторы неопределённости в регионе, изменчивый международный контекст и самый серьёзный за последние три десятилетия кризис в отношениях России и Запада заставляют думать, что если изменения и будут, то это будут изменения в худшую сторону. Убеждённость Путина в собственной правоте – и праведности – кажется непоколебимой как по отношению к Центральной Азии, так и в других сферах внешней политики России. Столкнувшись с растущим внутренним и внешним давлением, Кремль по привычке прибегает к авторитарной автаркии и периодическим *coups de théâtre*.

В долгосрочной перспективе такой непродуктивный подход обречён на провал. Хотя Россия продолжает пользоваться значительными преимуществами во взаимодействиях с Центральной Азией, её активы там отнюдь не вечны. Все государства Центральной Азии, в том числе самые отсталые и неблагополучные, проявляют повышенное желание суверенитета и стратегического выбора. В этих сложных условиях опора на традицию и устаревшее чувство правообладателя окажется недостаточной и от Москвы потребуются гораздо большее.